

**КОРЫСТЬ: СООТНОШЕНИЕ ЦЕЛИ И МОТИВА
СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ**

Шеслер Александр Викторович
*доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры уголовного права и уголовного процесса
Кузбасского института ФСИН России,
Новокузнецк, Россия
E-mail: sofish@inbox.ru*

Шеслер Софья Сергеевна
*кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры государственно-правовых
дисциплин и правоохранительной деятельности,
Томский государственный университет систем
управления и радиоэлектроники,
Томск, Россия
E-mail: sofish@inbox.ru*

Предмет исследования: толкование Верховным Судом РФ корысти в виде корыстного мотива и корыстной цели совершения преступления в постановлениях по конкретным категориям уголовных дел.

Цель исследования: выработка единого подхода в определении понятий «корыстный мотив» и «корыстная цель» для последующего использования в судебной практике РФ в части квалификации преступлений корыстной направленности.

Методы исследования: при анализе толкования Верховным Судом РФ корыстного мотива и корыстной цели преступления были использованы формально-логический метод, а также методы анализа и синтеза.

Основные результаты исследования: без корыстного мотива, состоящего в побуждении виновного извлечь в результате совершения преступления выгоду имущественного характера или избавиться от определенных материальных затрат, отсутствует корыстная цель, состоящая в мысленно представляемом виновным результате в виде обращения имущества в свою пользу, пользу других лиц, извлечения иной имущественной выгоды, избавления от материальных затрат.

Ключевые слова: преступление, корысть, корыстный мотив, корыстная цель.

**SELF-INTEREST: CORRELATION OF PURPOSE AND MOTIVE
FOR COMMITTING A CRIME**

Aleksandr V. Shesler
*Doctor of Law Sciences, Professor,
Criminal Law Department,
Kuzbass Institute of the FPS of Russia
Novokuznetsk, Russia
E-mail: sofish@inbox.ru*

Sof'ya S. Shesler

*Candidate of Law Sciences, Assistant Professor,
State Law Disciplines and Law Enforcement Activities Department,
Tomsk State University of Control Systems and Radio Electronics
Tomsk, Russia
E-mail: sofish@inbox.ru*

Subject of research: interpretation by the Supreme Court of the Russian Federation of self-interest in the form of self-interested motive and self-interested purpose of committing a crime in rulings on specific categories of criminal cases.

Purpose of research: to develop a unified approach in defining the concepts of «selfish motive» and «selfish purpose» for subsequent use in the judicial practice of the Russian Federation in terms of the qualification of crimes of a mercenary orientation.

Methods and objects of research: when analyzing the interpretation by the Supreme Court of the Russian Federation of self-interested motive and self-interested purpose of a crime, the formal-logical method, as well as methods of analysis and synthesis were used.

Main results of research: without self-interested motive, consisting in the inducement of the guilty to extract as a result of committing a crime a benefit of a property nature or to get rid of certain material costs, there is no self-interested purpose, consisting in the mentally represented by the guilty result in the form of conversion of property in its own favor, the favor of other persons, the extraction of other property benefits, getting rid of material costs.

Keywords: crime, self-interest, selfish motive, selfish purpose.

Введение

Действующее уголовное законодательство терминологически употребляет корысть в двух значениях, а именно: как мотив преступления (побуждениях) и как цель преступления (например, в примечании 1 к ст. 158 УК РФ речь идет о корыстной цели). Однако определение этих терминов в УК РФ не дано, поэтому как в науке уголовного права, так и в практике применения уголовного закона его понимание не является однозначным. Не дано однозначного понимания данных терминов и в разъяснениях Верховного Суда РФ, цель которых – стабилизировать судебную практику, оказывать помощь судам в единообразном толковании и применении норм права. В результате отсутствия единого подхода в определении понятий «корыстный мотив» и «корыстная цель» это не способствует качеству вынесения судебных решений по преступлениям корыстной направленности и требует выработки единого терминологического подхода.

Результаты и обсуждение

Анализ высказанных точек зрения об определении терминов «корыстный мотив» и «корыстная цель» в УК РФ среди исследователей можно свести к следующим позициям.

Сторонники первой позиции утверждают, что содержание корыстной цели составляет стремление лица, совершающего преступление, обратить имущество в свою пользу, распорядиться им как своим, либо обратить имущество в пользу третьих лиц [3, 8, 9]. Такая позиция находит закрепление в п. 26 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате». В нем отмечается, что обязательным признаком хищения является наличие у лица корыстной цели, то есть стремления изъять и (или) обратить чужое имущество в свою пользу, либо распорядиться указанным имуществом как своим собственным, в том числе путем передачи его в обладание других лиц, круг которых не ограничен. В целом суть рассматриваемой

позиции состоит в том, что корыстная цель не связана с корыстными побуждениями. Получается, что корыстная цель при хищении состоит в стремлении выполнить его объективную сторону. Однако такое стремление характеризует не цель хищения, а волевой момент прямого умысла, с которым оно совершается. Аналогичная трактовка корыстной цели через волевой момент умысла содержится и в п. 14 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 июня 2021 г. № 21 «О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях против интересов службы в коммерческих и иных организациях (статьи 201, 201.1, 202, 203 Уголовного кодекса Российской Федерации)». В нем цель извлечения выгод и преимуществ для себя или других лиц определяется как стремление путем неправомерных действий получить выгоду имущественного характера (незаконное получение кредита либо льготных условий кредитования, освобождение от каких-либо имущественных затрат, возврата имущества, погашения долга, оплаты услуг, уплаты налогов и т. п.).

Данная позиция не учитывает того обстоятельства, что противоправное завладение чужим имуществом может быть с целью его временного использования с последующим возвращением собственнику либо в связи с предполагаемым правом на это имущество. Это стремление корыстной цели не образует. На такое обстоятельство обращено внимание в п. 7 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое», где отмечается, что при наличии такого обстоятельства нет состава кражи или грабежа.

В.В. Векленко несколько конкретизирует эту позицию, отмечая, что корыстная цель имеет место в тех случаях, когда она сопровождается причинением ущерба владельцу имущества [2, С. 182-184]. Данное уточнение не вносит ясности в раскрытие содержания корыстной цели. Ущерб владельцу имущества может быть причинен в результате того, что имущество изымается у него для уничтожения, а деяние не квалифицируется как хищение. В частности, в п. 26 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 декабря 2008 г. № 25 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения» указывается, что неправомерное завладение автомобилем или иным транспортным средством без цели хищения и последующее его умышленное уничтожение или повреждение подлежат квалификации по совокупности преступлений, предусмотренных соответствующей частью статьи 166 УК РФ и при наличии к тому оснований статьей 167 УК РФ.

Сторонники второй позиции характеризуют корыстные побуждения через корыстную цель, понимая под ними стремление виновного к обогащению, т. е. эти признаки субъективной стороны преступления отождествляются [5, С. 79-80; 1, 4, 6]. Полагаем, что такое отождествление корыстной цели и корыстного мотива основано на их толковании в ряде постановлений Пленума Верховного Суда РФ, исходя из которых корысть предполагает стремление виновного путем совершения преступления извлечь выгоду имущественного характера или избавиться от материальных затрат.

В одних постановлениях Пленума Верховного Суда РФ корыстный мотив определяется через корыстную цель. Так, в п. 11 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 января 1999 г. № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» корыстные побуждения характеризуется как цель получения материальной выгоды для виновного или других лиц (денег, имущества или прав на его получение, прав на жилплощадь и т. п.) или избавления от материальных затрат (возврата имущества, долга, оплаты услуг, выполнения имущественных обязательств, уплаты алиментов и др.). В п. 8 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 декабря 2019 г. № 58 «О судебной практике по делам о похищении человека, незаконном лишении свободы и торговле людьми» корыстные побуждения определяются через цель получения материальной выгоды для виновного или других лиц (денег, имущества или прав на его получение и т. п.) или избавления от материальных затрат (возврата имущества, долга, оплаты услуг, выполнения

имущественных обязательств, уплаты алиментов и др.), а равно по найму, обусловленному получением исполнителем преступления материального вознаграждения или освобождением от материальных затрат.

В других постановлениях Пленума Верховного Суда РФ корыстная цель определяется через корыстный мотив. В п. 27 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 декабря 2008 г. № 25 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения» указывается на наличие хищения при намерении виновного, неправомерно завладевшим транспортным средством, возвратить его владельцу за вознаграждение. Очевидно, имеется в виду в данном случае наличие корыстной цели. В п. 26 этого же постановления указывается, что неправомерное завладение автомобилем или иным транспортным средством без цели хищения и последующее его умышленное уничтожение или повреждение подлежат квалификации по совокупности преступлений, предусмотренных соответствующей частью статьи 166 УК РФ, и при наличии к тому оснований статьей 167 УК РФ. В п. 28 отмечается, что если указанные неправомерные действия лица совершены лишь для поездки на угнанном автомобиле (транспортном средстве) или в иных целях без корыстных побуждений, то содеянное при наличии к тому оснований подлежит правовой оценке как неправомерное завладение автомобилем или иным транспортным средством без цели хищения по соответствующей части статьи 166 УК РФ.

В отдельных постановлениях Пленума Верховного Суда РФ корыстный мотив, как и корыстная цель в п. 26 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате», определяется через волевой момент умысла. Так, в п. 22 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 июня 2006 г. № 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» корыстные побуждения определяются как направленность умысла на получение материальной выгоды (денег, имущества или прав на их получение и т. п.) либо избавление от материальных затрат (например, возврата имущества, долга, оплаты услуг, выполнения имущественных обязательств) в результате совершения преступления. В п. 16 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 16 октября 2009 г. № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» корыстная заинтересованность характеризуется как стремление должностного лица путем неправомерных действий получить выгоду имущественного характера (незаконное получение льгот, кредита, освобождение от каких-либо имущественных затрат, возврата имущества, погашения долга, оплаты услуг, уплаты налогов и т. п.).

Несмотря на явную терминологическую небрежность в характеристике корыстной цели и корыстного мотива преступления судебная практика исходит из того, что эти категории тесно взаимосвязаны между собой. Во всякой случае корыстная цель отсутствует, если цель совершения преступления не сопряжена с мотивацией преступления, которая является корыстной. Этой же позиции придерживается В.В. Хилюта [7, С. 93]. В ряде случаев Верховный Суд РФ достаточно определенно высказывает такую позицию. Так, п. 26 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» акцентируется внимание на том, что от хищения следует отличать случаи, когда лицо, изымая и (или) обращая в свою пользу или пользу других лиц чужое имущество, действовало в целях осуществления своего действительного или предполагаемого права на это имущество (например, если лицо обратило в свою пользу вверенное ему имущество в целях обеспечения долгового обязательства, не исполненного собственником имущества). При наличии оснований, предусмотренных статьей 330 УК РФ, подобные действия предлагается квалифицировать как самоуправство. В п. 23 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 июля 2013 г. № 24 «О

судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» имущественная выгода исключается при наличии двух условий. Во-первых, когда за совершение должностным лицом действий (бездействия) по службе имущество передается, имущественные права предоставляются, услуги имущественного характера оказываются не лично ему либо его родным или близким, а заведомо другим лицам, в том числе юридическим, во-вторых, когда при этом должностное лицо, его родные или близкие не извлекают из этого имущественную выгоду. В данном случае очевидно отсутствие у виновного корыстной цели при отсутствии корыстного мотива.

Заключение и выводы

Полагаем, что общий вывод о соотношении корыстной цели и корыстного мотива при совершении преступления должен быть основан на взаимосвязи этих признаков субъективной стороны преступления, а именно: без корыстного мотива, состоящего в побуждении виновного извлечь в результате совершения преступления выгоду имущественного характера или избавиться от определенных материальных затрат, отсутствует корыстная цель, состоящая в мысленно представляемом виновным результате в виде обращения имущества в свою пользу, пользу других лиц, извлечения иной имущественной выгоды, избавления от материальных затрат.

Литература

1. Бойцов, А. И. Преступления против собственности / А. И. Бойцов. – СПб. : Юрид. центр. Пресс, 2002. – С. 294. – Текст : непосредственный.
2. Векленко, В. В. Квалификация хищений / В. В. Векленко. – Омск : Омская академия МВД России, 2001. – С. 182–184. – Текст : непосредственный.
3. Кузнецова, Н. Ф. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Н. Ф. Кузнецова – М. : Зерцало, 1998. – С. 363. – Текст : непосредственный
4. Лопашенко, Н. А. Посягательство на собственность / Н. А. Лопашенко. – М. : Норма, Инфра-М, 2012. – С. 151. – Текст : непосредственный.
5. Тенчев, Э. С. Уголовно-правовая охрана социалистической собственности. / Э. С. Тенчев. – Иваново : Изд-во Иван. ун-та, 1980. – С. 79–80. – Текст : непосредственный
6. Турышев, А. А. Корыстный мотив преступления / А. А. Турышев. – Текст : непосредственный // Научный вестник Омской академии МВД России. – 2020. – № 4 (79). – С. 17–21.
7. Хилюта, В. В. Корыстная цель в хищении: существуют ли пределы расширительного толкования? / В. В. Хилюта. – Текст : непосредственный // Lex russica. – 2020. – Т. 73, № 4. – С. 93–102.
8. Яни, П. С. Мошенничество и иные преступления против собственности, уголовная ответственность / П. С. Яни. – М. : Интел-Синтез, 2002. – 136 с. – Текст : непосредственный.
9. Яни, П. С. Корысть как признак хищения / П. С. Яни. – Текст : непосредственный // Законность. – 2019. – № 2.